

Иэн МВАЙСУНГА:

Я знаю, о чем танцую

НОВАЯ ГАЗ. - 2004. - 12-15.08. - с. 20

Каждое лето в Москве проходит школа танца «ЦЕХ», на которую съезжаются преподаватели-хореографы современного танца со всей России и со всего мира и их ученики, занимающиеся за символическую плату.

В молодежной среде современный танец — самое модное на сегодня театральное искусство: оно демократично, по-хорошему всеядно, оппозиционно, доступно людям с самой разной физической подготовкой и скромными финансами (старенькая футболка и спортивные брюки — достаточный гардероб, должно впечатлять гибкое и умное тело).

В этом году приехали интересные преподаватели: голландский хореограф Анок ван Дайк (Анок работала с екатеринбургской компанией «Провинциальные танцы», а в июле выпустила в Театре наций проект STAU), а также хореограф из Танзании Иэн МВАЙСУНГА.

— Как относятся старейшины танзанийских племен к тому факту, что языческие ритуальные танцы во славу хорошего урожая, в мольбе о дожде, свадебные — такие, как Мгоква, исполняются ради светского удовольствия?

— Много лет назад, когда не было религий и церквей, люди молились большим деревьям. Они представляли, что дерево — это Бог. Тогда танцевали Мгокву, моля о дожде, об отступлении засухи, и придавали ей магический смысл. А теперь об этом забыли и танцуют просто в моменты счастья на праздниках.

Сегодня есть те, кто против праздного исполнения ритуальных танцев, но их немного. Большинство стали христианами, мусульманами, и им все равно, что происходит с национальными танцами.

— Встречало ли в Африке сопротивление развитие современного танца?

— Наша труппа называется Mionzi Dance Theatre. Мы открыли театр после визита в Африку шведского хореографа Лены Йосефсон. Она приехала в Танзанию научиться африканскому танцу и обнаружила, что мы можем танцевать то же, что и она. Лена захотела сделать микст, смешав шведский современный танец и танзанийский. Это был огромный перформанс, он шел с большим успехом в течение трех лет, мы объехали с ним Швецию, Африку. После этого опыта мы решили открывать свой театр — на базе нашего национального танца, несмотря на то что за эти три года много учились балету, джаз-танцу.

— А вы сами вкладываете в свои танцы сакральный смысл?

— Да. Я всегда точно знаю, что танцую сейчас. Но я совсем не против интерпретаций, данных зрителем: «я увидел свадьбу», «я увидел смерть», «я увидел смех». Это обогащает первоначальное значение, но не меняет его.

Мы африканский танец толкаем вперед. Сейчас все зависит от нас — в Африке есть только национальный танец, а мы предлагаем людям что-то новое и современное. У вас очень сильные традиции классического балета, поэтому вам труднее. Вам нужно «украсть» часть балетной аудитории, перетянуть на себя.

— Вы сейчас танцевали в футболке «Золотая маска». А в масках вы сейчас танцуете?

— Да, некоторые танцуют. Ритуальный танец киньяго (что и означает — «маска») исполняют старейшины деревень, и люди следуют за ними, понимая, что этот танец — священный. Два человека в масках задают вопросы друг другу и отвечают на них танцем. Это свободная импровизация на всегда одинаковую музыку. Если старейшина встанет утром в хорошем настроении, с «той» ноги, он исполнит движения счастья, и все будут молиться на него, как на солнце.

— Ваша версия: почему темнокожие танцуют неизменно легче и свободнее людей с белой кожей? Это мое мнение.

— Это правило не на всех распространяется. Но связано это с тем, что темнокожие с самого раннего детства танцуют, поют и играют в подвижные игры. Они всегда знают, зачем они танцуют. У людей с белой кожей другие игры — в основном компьютерные. От этого их движения не такие естественные и свободные. Когда африканский ребенок только встает на ноги, все ему хлопают и поют, и от этого ребенок быстрее начинает ходить, бегать.

У меня есть друг-датчанин, он родился в Африке и двигается поэтому как африканец, совершенно свободно. Поймите: все зависит не от цвета кожи, а от игр в детстве.

● Екатерина ВАСЕНИНА
Перевод Ольги КОРШАКОВОЙ
Фото автора

76